Рисунок Ю. ФЁДОРОВА.

ОТЗЫВЫ БИТЫХ

Белогвардеец: — Я его видел!

Интервент: — Я его слышал!

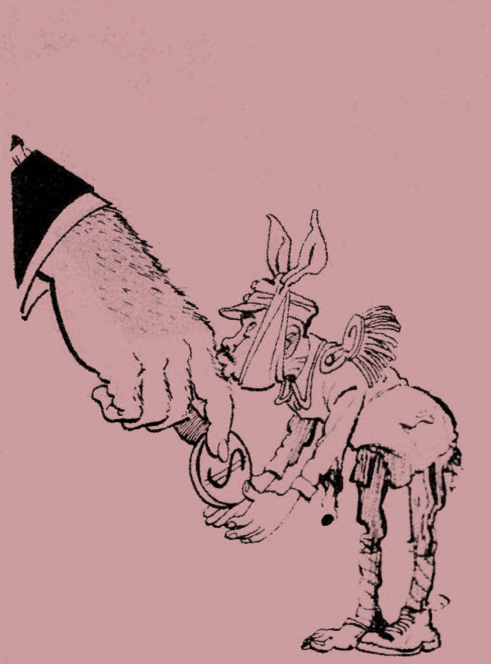
Фашист: — Я ходил на него в атаку!

КРОКОДИЛ

№ 5 (1403) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 20 ФЕВРАЛЯ 1955

КРОКОДИЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ

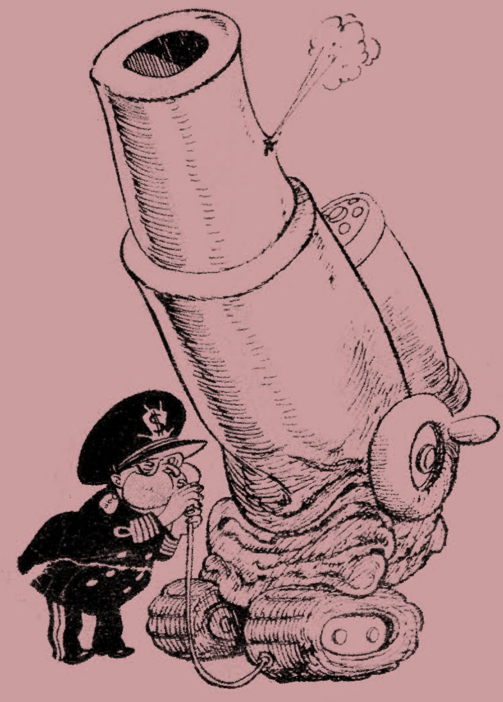
Рисунки Г. ВАЛЬКА.

Вашингтону за гроши
Продал душу Чан Кай-ши,
Хоть не стоит ни гроша
Эта подлая душа.

Было трудно странам малым,
Но «помог» им дядя Сэм:
Раньше хлеба не хватало,
Нынче нет его совсем.

Нас пугать войною стал
Грозный Рэдфорд-адмирал.
Опасенье есть одно:
Не попал бы сам на дно!

Судно в море вверх кидало,
Но матрос наш не тужил:
На волне в двенадцать баллов
Балл высокий заслужил.

Провожали старшину
На восток, на целину...
Дружит парень с целиной:
Трактор танку — брат родной.

«Птицеловы» на границе
Есть толковые у нас:
Не одной заморской птице
Показали высший класс!

Поджигатель бомбой машет
И грозит Отчизне нашей.
С нами он не справится,
Бомбою подавится.

Юрий ЯКОВЛЕВ

В зале ожидания

Соблюдая расписание,
Полночь встала у окна.
В шумном зале ожидания
Водворилась тишина.

И, как в сказке, всё движение
Прекратилось в тот же миг:
В самых разных положениях
Пассажиров сон застиг.

Старый дед у печки — веришь ли! —
Дремлет с трубкою в зубах,
Спит, обняв бидоны бережно,
Тётка, сидя на узлах;

Парень спит. Дыханье детское.
Спать готов он до утра:
Для него плечо соседское
Мягче пуха и пера.

Вдруг, как будто гость непрошенный,
Пар из двери повалил,
И в шинели запорошенной
В тихий зал солдат вступил.

Снег с сапог отбил, подковками
Об пол весело стуча,
На ходу руками ловкими
Сундучок стянул с плеча,

Огляделся воин молодо,
Сел на край скамейки он
И своим запасом холода
Разогнал ленивый сон.

От шагов ли, от мороза ли
Приоткрыл глаза сосед.
Все задвигались, заёрзали.
Дед, ворча, достал кисет.

А военный без смущения
Отпирает сундучок,
Вынимает угощение:
— Мой паёк, а ваш чаёк!

Как по щучьему велению,
Появился чай тотчас.
И спросил тут с удивлением
У бойца соседский бас:

— Если тайна не военная,
То откуда ты, сынок!
— Дело здесь обыкновенное.
Кончил службу. Вышел срок.

Тут с энергией удвоенной
Говорит сосед опять:
— Трудно, трудно будет воину
К новой жизни привыкать.

А солдат рукой натруженной
Предлагает всем еду.
— Со своим родным оружием
Я нигде не пропаду!..

Он лукаво улыбается,
Подливая всем чаёк.
А беседа разгорается,
Словно в горне уголёк.

И весь белый, как завьюженный,
Дед спросил:
— Скажи, родной,
Где ж оно, твоё оружие!
— Где оружие! Со мной!

И сосед басистый с колкостью
Говорит друзьям своим:
— Видно, пушка малой скоростью
Едет где-нибудь за ним.

На соседа, кончив с ужином,
Поглядел солдат в упор
И достал своё оружие, —
Что б вы думали? Топор!

Обушок чернёный, кованый,
Лезвию не страшен сук,
Черенок, отполированный
Парой добрых, сильных рук.

Бился он с дубами крепкими
И с виляющей ветлой.
Пахнет он корой, и щепками,
И янтарною смолой.

Заблестел в руках заслуженный,
Поработавший топор.
— Вот оно, моё оружие!
Я, товарищи, сапёр.

И когда прощался с ротою,
Сжал мне руку старшина:
«Ты прославь его работою! —
И топор вручил мне:
— На!»

Смотрят люди с удивлением,
С топора не сводят глаз.
Взял старик топор с почтением,
Словно видит в первый раз.

— Мне служил топор со славою,—
Вновь солдат заговорил,—
Он звенел над переправою,
Он землянки мастерил.

И, в своё искусство веруя,
Убеждён, друзья, вполне,
Что сослужит службу верную
Мне топор на целине.

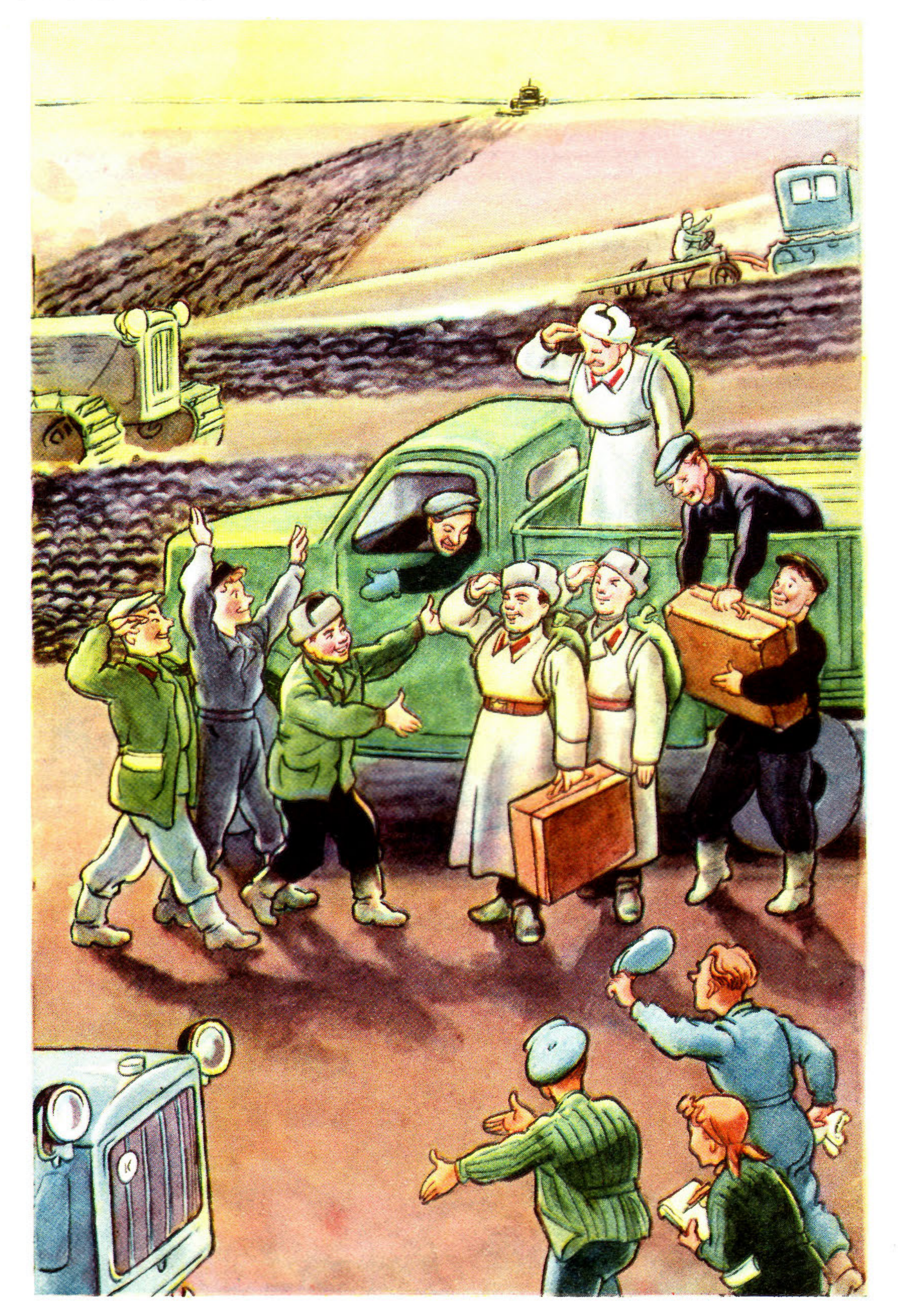
Брёвна крепкие сосновые
Запоют в степи под ним.
И дома построю новые
Я с помощником своим...

В это время в отдалении
Паровоз «Спешу!» сказал.
И тотчас пришёл в движение
Полусонный, тихий зал.

И взвалил на плечи дюжие
Воин ношу со своим
Нержавеющим оружием,
Боевым и трудовым.

НА ЦЕЛИННОЙ ЗЕМЛЕ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Нашего полку прибыло!..

Открытое письмо

начальнику Калининского областного управления сельского хозяйства А. А. БЕЛОБОРОДОВУ

Дорогой Александр Андрианович!

Время неумолимо, без оглядки идёт вперёд, и мы снова очутились на пороге нового месяца. Зима как будто на исходе. Подули тёплые ветры, побурел снег, и скоро начнётся перелёт грачей и прочих пернатых.

Но робкое дыхание весны не радует вашего руководящего сердца. Как и всегда в конце месяца, вы думаете о кривой.

— Нуте-ка, подайте мне её! — говорите вы секретарю.

И вот уж в просторный ваш кабинет нежнофисташкового цвета вносят несколько диаграмм. Их раскладывают на столе под сверкающей люстрой.

— Что? Вывезла кривая? — тревожно осведомляетесь вы у своих заместителей товарищей Александрова и Сенчило.

Наступает тяжёлая пауза. В кабинете воцаряется такая тишина, что с улицы явственно доносится серебряный перезвон весенней капели.

Судя по всему, кривая опять не вывезла. Показатели подъёма животноводства в Верхневолжье оставляют желать много лучшего: коровы дают мало молока, свиньи — сала, овцы — шерсти.

— Эх, подвела кривая! В какой только раз!

— Надо что-то предпринять, — угрюмо говорит товарищ Александров.

— Хорошо бы по кому-нибудь ударить для острастки! — предлагает товарищ Сенчило.

И тут вы, Александр Андрианович, как всегда, предлагаете сочинить циркулярчик, чтобы пламенным канцелярским словом зажечь сердца животноводов.

Что и говорить, в этом деле вы превзошли самого себя!

Ах, если бы бумаги могли хоть в какой-либо степени заменить животным корм! Мы убеждены, что тогда коровы, обитающие в Калининской области, по удойности обогнали бы прославленных караваевских рекордисток!

Но вся беда заключается в том, что коровы ищут в кормушках грубые, сочные и концентрированные корма, а не отпечатанные на гектографе листки с ведомственной прозой. Не интересуются бурёнки беллетристикой. Такие уж это неинтеллектуальные животные! То же самое приходится сказать и о свиньях. Нечего перед ними метать канцелярский бисер. Ну, а о баранах и говорить не приходится. Баран интересуется только тем, что положено в кормушку. А в кормушки зачастую, чего греха таить, не слишком много кладётся.

Почему так получается, уважаемый Александр Андрианович?

Ведь в ведомственных посланиях вы так убедительно говорите о кукурузе, клевере, сене, брюкве и прочих кормах. А их всегда не хватает. Возьмём кукурузу. В Калининской области она ютится лишь на маленьких клочках земли. А ей бы давно пора выйти на широкие колхозные просторы. Не намного лучше и с клевером. Куда подевался местный зимостойкий каменский клевер? Его точно корова языком слизнула. А ведь она не лизала. Она только облизывается при воспоминании об этом растении из семейства бобовых.

Почему за семенами клевера вы посылали гонцов на Украину? Ведь украинский клевер на калининских полях даёт низкие урожаи. А где, Александр Андрианович, знаменитая вышегородская брюква, дающая свыше шести тысяч пудов корней и ботвы с одного гектара? И она незаслуженно забыта! Из тысячи девятисот шестнадцати колхозов её сеют только пятьдесят восемь!

Скромно, Александр Андрианович, не густо!

По всему видно, что вам больше по душе привозные корма. Даже ржаную солому — и ту калининцы везли из Татарии.

За привозными кормами, дорогой Александр Андрианович, приходится далеко ехать. Но на них далеко не уедешь. Поэтому не удивляйтесь, что злополучная кривая опять не вывезла вас. Коров надо кормить. На кривой их не объедешь!

Подумайте над всем вышеизложенным. Привет вашим уважаемым заместителям.

Засим низко кланяюсь

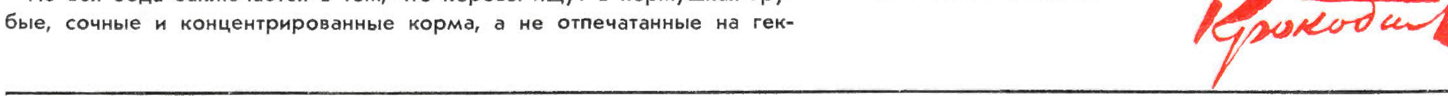

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Зря стараешься, в нашу конюшню её и калачом не заманишь!..

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

— Вы меня на удочку не возьмёте, надо технику использовать!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Народный артист СССР Михаил Жаров, провозглашая на исходе 1953 года тост в честь советских воинов, заявил: «...В 1954 году хочу оплатить долг нашим любимым зрителям — воинам Советской Армии и Военно-Морского Флота: сняться в весёлой, жизнерадостной комедии».

Мы, воины Советской Армии, искренне благодарны Михаилу Ивановичу за его обещания. Однако просим тебя, дорогой Крокодил, напомнить М. И. Жарову, что 1954 год истёк...

Кроме того, просим передать артисту Жарову наше пожелание, чтобы всё, что он обещал в 1954 году, исполнилось в 1955 году.

Младшие сержанты МАКАРОВ, СОЛОДНИН.
Рядовые ПУГАЧЁВ, АЛАС.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Редакция Крокодила ознакомила меня с вашим письмом. Разрешите мне ответить так же прямолинейно, как вы написали мне.

Я хорошо помню правило: пообещал — сделай! И не хочу, чтобы про меня говорили: «На посул тароват, а на дело скуповат». Но исполнение моего обещания зависит не только от меня. Вы, наверно, помните и обещания писателей, драматургов создать хорошие комедии...

Однако писатели не очень торопятся выполнять свои обещания. Может быть, они руководствуются пословицей «Поспешишь — людей насмешишь»? Спешить-то, пожалуй, не надо, а вот смешить — радовать зрителя весёлыми комедиями — очень надо! Возможно, некоторые писатели переутомились при подготовке к своему съезду и сейчас отдыхают... Но время не ждёт, не ждут и советские зрители! И если уважаемые товарищи писатели почему-либо не получают писем от зрителей, пусть это их не успокаивает: артисты получают писем более чем достаточно!

Положение комедийных артистов поистине комедийное: ролей для них нет. Ну не комедия ли это? Мы так соскучились по живой, весёлой, радующей зрителя роли, что хоть сам бери перо и сочиняй для себя смешной сценарий! Но, к сожалению, роль писателя — не для актёра...

Мы, комедийные артисты, вместе со всеми зрителями жадно и нетерпеливо ждём новых острых комедий. Ждут не дождутся желанной роли для себя признанные комедийные актёры, такие, как Ильинский, Раневская, Володин, Гарин и другие.

Тяжело приходится сейчас и киностудиям: актёров комедийного жанра, как известно, немало, а комедийных ролей раз, два... и обчёлся.

И всё же, несмотря на трудности, с которыми я вас кратко познакомил, мой новогодний тост остаётся в силе.

За бодрую, весёлую, нужную нашему народу кинокомедию!

Я буду и впредь провозглашать этот тост до тех пор, пока наконец мои творческие устремления комедийного актёра не воплотятся в жизнь.

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Народный артист СССР М. И. Жаров не играет в кинокомедиях, потому что их нет.

А когда они будут? Не ответит ли на этот волнующий вопрос Главное управление кинематографии?

Весь сыр-бор разгорелся за обедом. И тут же наметились два лагеря. С одной стороны, были сам Ломтев, его тёща Таисия Павловна и Калинкин.

Всем троим возражала Варя.

Жена Ломтева Нина Степановна сохраняла нейтралитет.

— Хватит. Довольно спорить! — сказала Таисия Павловна и решительно отодвинула блюдце с компотом. — У меня на этот счёт своя точка зрения...

— А вы её сформулируйте, эту свою точку зрения, — улыбнулась Варя.

— Молчи, Варя, — сказала Нина Степановна, — оставь бабушку в покое.

— А чего мне формулировать? — Таисия Павловна воинственно взглянула на зятя. — Он знает, о чём я говорю.

Ломтев промолчал. «Тёща, конечно, права, — подумал он. — Надо бы её поддержать, но сейчас, пожалуй, не стоит. Варя за столом. Начнутся реплики, подковырки».

— Что ж ты молчишь, папа?

— Погоди, Варвара, послушаем гостя, — сказал Ломтев и подмигнул Калинкину.

— Что я могу сказать? — Вздохнув и погладив реденькие усы, Калинкин развёл руками. — Лично я поддерживаю Таисию Павловну. Человек должен уметь сделать себе карьеру.

— Карьеру?.. Я даже слова такого не знаю, — заметила Варя и подошла к книжному шкафу. — Придётся поискать в словаре.

— Вот-вот, поищи, — усмехнулась Таисия Павловна, — найдёшь.

— «Карьера, — прочитала Варя, — успешное продвижение вперёд в области служебной и общественной деятельности». Та-ак... Теперь понятно.

— Слава тебе, господи, — облегчённо вздохнула Таисия Павловна, — всё же поняла.

— Подождите, бабушка. — Варя выдержала паузу. — Вы сегодня говорили, что для того, чтобы добиться успехов, обязательно нужны личные связи, поддержка начальства, знакомство и всё такое прочее, да?

— Да, — с вызовом сказала Таисия Павловна, — да, да, да.

— Хорошо, — склонила голову Варя, и по тому, с какой покорностью она это сделала, можно было подумать, что она готова уступить в споре. — Позвольте привести пример. Сегодня утром за Волгой были соревнования по прыжкам с трамплина на лыжах...

— Нам про твои прыжки слушать неинтересно. — Таисия Павловна демонстративно отвернулась.

— Не перебивайте оратора, — сказал Калинкин, — мы вас слушаем, Варя.

— Так вот. Первое место занял Виктор Самохин, наш студент. Он прыгнул на сорок семь метров!.. Понимаете вы это?

— Не понимаю, Варя, — вмешалась Нина Степановна, — какое это имеет отношение...

— Подожди, мама! — Варя подняла руку. — Самохин добился успеха, может быть, немного погодя он даже станет чемпионом. И этот свой успех он завоевал сам. Он занимался, работал с тренером, овладевал мастерством. Пожалуйста, — Варя обернулась к Калинкину, — я могу вас познакомить с тренером, с председателем городского комитета физкультуры, вас поддержит председатель Всесоюзного комитета, вам окажет личное содействие секретарь обкома. По линии связей и знакомств всё будет в порядке. Вам останутся сущие пустяки: надеть лыжи, подняться на трамплин и прыгнуть.

Ломтев невольно улыбнулся: «Хоть пример-то не совсем подходящий, но Калинкин, видать, растерялся. Молчит».

— При чём тут трамплин? — обиженно сказал Калинкин. — С этого вашего трамплина кто кидается? Отчаянные люди, которым терять нечего. Лично мне не то что прыгать, смотреть на этот трамплин страшно. Но я, однако, полагаю, что если бы этот ваш... как его... Самохин не умел бы прыгать, вряд ли бы он полез на такую верхотуру.

Варя хлопнула в ладоши:

— Всё!.. Что и требовалось доказать. Нужны личные данные, талант, настойчивость, умение...

— Только мы, Варя, о другом умении речь ведём, — добавила Таисия Павловна, — не понять тебе этого.

«Ага, второй эшелон подоспел, — отметил про себя Ломтев, с интересом взглянув на тёщу, — послушаем».

— Вот именно, — ободрённый поддержкой Таисии Павловны, начал Калинкин, — о другом речь идёт. Позвольте, я тоже пример приведу. Возьмём Стёпина. Кем он прошлый год был? Рядовым работником. А на сегодняшний день он кто? Почти что руководитель. Заместитель начальника отдела. А как он этого добился? Нашёл ход к управляющему, к товарищу Басову Ивану Андреевичу. На рыбалку с ним поездил, то, сё, пятое, десятое и — пожалуйста.

— Он что, подхалим? — спросила Варя.

— При чём тут «подхалим»? Человек сумел найти подход к начальству и в результате, как говорится, сделал карьеру.

— А работник он плохой, да?

— Почему?.. Вообще работник он неплохой.

— А это, между прочим, тоже не последнее дело, — заключила Варя.

Калинкин в поисках защиты посмотрел на Ломтева, и тот понял, что пора вмешаться.

— Вот что, Варвара, — строго сказал он, — хватит! Довольно! Ты, конечно, очень умная и всё такое прочее. Но ты... это самое... всё же пойди отдохни после обеда.

Варя поклонилась. Она одержала победу в споре, и это сделало её весёлой.

— Слушаюсь, батюшка. Повинуюсь отцовской воле. Островский. Полное собрание сочинений. Том пятый. Страница десятая.

Варя вышла. Таисия Павловна покачала головой:

— Девчонка. Жизненного опыта ни вот столечко, а всё высказывается.

Вскоре Ломтев пошёл провожать Калинкина. По дороге они говорили о разном, неизменно возвращаясь к тому, о чём спорили нынче за обеденным столом.

— Я тебе вот что скажу, Алексей Лукич, — наставительно произнёс на прощанье Калинкин, — не обижайся. То, что дочка твоя говорила, наплевать и забыть. Найдёшь подход к Басову — такой прыжок сделаешь, что тому прыгуну и не снился.

Расставшись с Калинкиным, Ломтев направился домой.

Был чудесный морозный вечер. В тёмном небе мерцали звёзды. Под ногами аппетитно похрустывал снежок. «Всё же Калинкин прав, — мысленно заключил Ломтев, — и он прав, и тёща права».

Выйдя на Садовую, Ломтев услышал музыку и шум голосов. Рядом на катке сияли разноцветные лампочки, гремел оркестр. В голубых лучах прожекторов, медленно покачиваясь, падали снежинки.

У входа на каток Ломтев увидел зелёную «Победу».

«Басовская машина? — удивлённо спросил самого себя Ломтев и сам же себе ответил: — Она самая. Неужели Иван Андреевич на коньках катается? Может, пойти взглянуть, поприветствовать?»

Он купил билет и пошёл на каток.

Остановившись у центрального круга, глядя на нескончаемый звенящий хоровод, Ломтев искал глазами управляющего.

Мимо на сверкающих беговых коньках проносились парни и девушки. Ближе к центру не спеша и безмятежно катались парочки.

Вот, держа под руку жену, промчался секретарь горкома Колесниченко.

«Здорово руководство ездит, — с уважением подумал Ломтев. — А ведь лет десять назад и я неплохо катался».

По кругу уже в третий раз подряд пролетали одни и те же люди, но Басова среди них не было. Ломтев прошёл вперёд и наконец увидел Басова. Иван Андреевич трудился на площадке для начинающих.

Басов явно учился. Сделав несколько шажков, он плюхался на лёд, мужественно вытирал рукавом лоб, вставал, семенил ногами, словно пытаясь взлететь, и, не успевая завершить своё дерзкое намерение, шёл на посадку.

Поцарапанный коньками новичков, лёд сверкал, как зеркало. Очень уж добросовестно полировали его начинающие!

Стоя за фонарным столбом, Ломтев смотрел на Басова и думал: «Пойти предложить свои услуги? Нет, не стоит. Это будет подхалимство в натуральном виде. Просто пойти покататься? Нет. Скажет: пришёл хвалиться. Ты, мол, Ломтев, умеешь, а я только осваиваю это дело. А может, он ещё, чего доброго, решит, что я посмеяться пришёл? Это уж и вовсе никуда не годится. Что же делать? Стоять и смотреть — глупо. Надо действовать».

Размышления Ломтева прервал знакомый голос управляющего. Врезавшись с ходу в сугроб, он сидел в снегу и весело махал рукой.

— Привет, товарищ Ломтев!.. Видали, какого я «гвоздя забил», а?

— Здравствуйте, Иван Андреевич! — почтительно поклонился Ломтев. — Катаетесь?

— Пытаюсь, как говорится, не щадя живота своего. А вы чего ж?

— Боюсь. Никогда не пробовал, — вдохновенно соврал Ломтев. — Может, поучите? — спросил он, одновременно соображая: «Ничто так не льстит человеку, как обращение к нему за советом. И не тогда, когда он специалист, а когда он смекает в данном вопросе чуть больше тебя. Вот тут-то ему и кажется, что он первейший знаток и умелец».

— Какой из меня учитель? — улыбнулся Басов.

— Ну как же, вы всё-таки катаетесь.

— Тогда ладно. Берите коньки, приходите. Попробуем, так сказать, общими усилиями.

«Вот именно, общими усилиями», — с удовлетворением подумал Ломтев и с несколько преувеличенным отчаянием, махнув рукой, сказал:

— Помирать — так с музыкой!.. Ждите, Иван Андреевич. Сейчас явлюсь.

Спустя десяток минут Ломтев надел ботинки с коньками и появился на площадке для начинающих.

Изобразив на лице ужас, он сделал первые два шага и шлёпнулся на лёд. Падение было исполнено столь натурально, что Басов сразу же подъехал к Ломтеву и подал ему руку.

— Аккуратней старайтесь падать и мягче садитесь на лёд, — посоветовал Басов, — станьте вот так. Держитесь. Ну!.. Сделайте шаг. Ещё шаг... Вот... Опять вы сели. Раз-два, встали! Смотрите, как кругом стараются.

Рядом самоотверженно катались новички.

Солидного вида мужчина в пыжиковой шапке, вцепившись в плечо обучавшей его девочки, медленно скользил по льду. Он победно оглядывался по сторонам, и лицо его выражало нечеловеческое счастье.

— Порядок! — лихо сказал мужчина.

Второй раз слово «порядок» он произнёс уже сидя.

— Давайте, давайте, товарищ Ломтев, — сказал Басов, — делайте попытки!

Робкие узоры, исполненные на льду Ломтевым до его падения, сменились быстрым проездом в сидяче-лежачем положении. Коньки при этом уже не касались льда. Плавно разрезая воздух, они простирались к небу, как бы взывая о пощаде.

— Стремитесь сохранять равновесие, — участливо сказал Басов, — смотрите на меня.

Басов оттолкнулся и проехал несколько метров, ни разу при этом не упав.

— Здорово у вас получается! — с энтузиазмом отметил Ломтев, растирая ушибленную коленку.

— Мужайтесь, дорогой! Мужайтесь! — бодро сказал Басов, явно довольный похвалой. — Я сделаю из вас человека!

— Надеюсь, — со значением произнёс Ломтев и на всякий случай упал.

Басов помог ему подняться.

— Когда вы так садитесь, старайтесь не повредить копчик.

Ломтев сделал несколько неуверенных движений:

— А где он находится, этот самый копчик?

В этот момент мужчина в пыжиковой шапке наехал на Ломтева, и тот получил, вернее, ощутил, ответ на интересующий его вопрос.

— Давайте-ка мы с вами вдвоём покатаемся, — предложил Басов.

— Правильно. Давайте вместе, — согласился Ломтев и, бережно взяв управляющего под руку, проехал с ним почти до центра площадки.

— Молодец! — искренне обрадовался Басов. — Вы же способный человек, чёрт побери! Вы далеко пойдёте!

— Только вместе с вами, — сказал Ломтев и, на секунду забыв о своём «неумении», сделал плавный разворот, но, спохватившись, мгновенно упал, непроизвольно сделав при этом «шпагат», то есть вытянул обе ноги в одну прямую линию.

С огромным трудом поднявшись, он вытер шапкой лицо.

— Не ушиблись? — встревоженно спросил Басов. — Ничего?

— Нисево. Зив-здоров, — ответил Ломтев. Падая, он прикусил язык, и дикция его обрела новые краски: шепелявость и разбойничий присвист.

Урок продолжался до самого закрытия катка. Тяжело дыша, мокрый, как мышь, Ломтев преданно смотрел на Басова, с удовлетворением отмечая, что эти часы физических мучений потрачены не зря. Они здорово сблизили его с Иваном Андреевичем Басовым, с управляющим, с человеком, от которого зависит его карьера.

Над катком замигали фонари.

— Пора домой! — сказал Басов и похлопал Ломтева по натруженной спине. — Незаметно как время пролетело!

— Совершенно верно. Только, можно сказать, начали, и уже пора расставаться, — едва ворочая языком, ответил Ломтев.

— Сдайте коньки и приходите к воротам, — сказал Басов, — у меня машина. Я вас домой отвезу.

— Есть такое дело! — ощутив новый прилив бодрости, ответил Ломтев. — Сейчас приду.

Усаживаясь в «Победу» рядом с Басовым (управляющий сам вёл машину), Ломтев на мгновение подумал: «Не худо бы сейчас повстречать Калинкина, тёщу, жену, Варю. Хотя нет, Варю не нужно. Её улыбочки здесь совершенно ни к чему».

— Ну, каково ваше самочувствие? — спросил Басов. Румяное лицо его дышало здоровьем.

— Всё в порядке, — ответил Ломтев.

— Значит, не зря мы с вами потрудились?

— Ещё бы! — подтвердил Ломтев, вкладывая в этот ответ смысл, понятный ему одному. — В следующее воскресенье, Иван Андреич, надеюсь, дадите мне второй урок...

— Вы где, на Набережной живёте, кажется?

— Так точно! Вот мы и приехали.

«Победа» остановилась у подъезда.

— До свидания, товарищ Ломтев! — Басов протянул ему руку. — Желаю вам новых спортивных достижений!

— Спасибо, — задержав руку управляющего в своей, сказал Ломтев, — в будущее воскресенье вызываю вас на соревнование.

— Не могу, к сожалению, принять вызов. В будущее воскресенье я в Москве буду.

— Командировка?

— Нет. Вчера в обком вызвали после работы. На учёбу уезжаю.

На лице у Ломтева отразилось такое неподдельное отчаяние, что Басов даже улыбнулся.

— Ничего. У вас другой учитель будет. А вообще говоря, лучше всего с инструктором позанимайтесь. Через год будете бегать любо-дорого. Ну, пока! Всего доброго! Спасибо за компанию!

Стоя на тротуаре, Ломтев, открыв рот, смотрел вслед уходящей машине.

Дверь ему отворила тёща.

Кряхтя и морщась, Ломтев снял пальто. Стащив с головы шапку, он швырнул её в угол. Болели спина, и ноги, и руки, и всё остальное.

— Что случилось? — испугалась Таисия Павловна.

— Ничего. Упал я, — мрачно сказал Ломтев.

— Как же так?

— Как, как!.. — неожиданно рассвирепел Ломтев. — Не посыпают песком тротуары, вот люди и падают!

Дэйв МАЙКЛСОН

ШКОЛА ВЕЖЛИВОСТИ

Как известно, супруга боннского поверенного в делах в Англии Дэзи Шлиттер допустила недавно ряд враждебных антианглийских выпадов, заявив, в частности: «Мы снова и снова убеждаемся, что живём среди врагов».

Аденауэр вынужден был отозвать Шлиттера вместе с его не в меру откровенной половиной, сочтя, что об истинных намерениях Бонна ещё рано говорить вслух. Публикуемый фельетон написан в связи с этим событием.

Воспользовавшись одним чрезвычайным случаем, я сумел проникнуть на первое занятие новой школы для дипломатов и их жён, которая только что была организована в Западной Германии.

Барон фон Рек, дипломат старой школы, проводил урок в классе на тему «Как нужно себя вести на вражеской территории (в Англии)».

БАРОН ФОН РЕК. Ну, теперь, уважаемые слушатели, учитывая тот весьма неприятный инцидент, который произошёл с нашей бедной фрау Дэзи Шлиттер в Лондоне, мы должны как следует усвоить, что́ надлежит делать, когда мы раскрываем наши рты. Это необходимо во избежание возможности: а) сесть в лужу или б) уронить кирпич на ногу, то есть, согласно этой старой английской поговорке, допустить ляпсус.

На нынешней стадии развития нашего фатерланда **(все встают и выбрасывают вперёд правые руки, как в известном римском приветствии)** мы должны быть чрезвычайно демократичны и осторожны, чтобы создать впечатление о наших мирных, дружественных намерениях; со временем, разумеется, мы станем достаточно сильны и уже **заставим** этих свиней дружить с нами.

Большинство из нас, здесь сидящих, провело долгое время в тюрьмах как военные преступники, но все мы настоящие антифашисты. **(Смех.)** Несмотря на то, что уже в сорок пятом году герр лорд Черчилль высказал своё хорошо известное сочувствие нашему делу, английский народ пока ещё не перевоспитан так, как нужно.

Мы должны успокаивать англичан до тех пор, пока наша программа атомного вооружения не будет выполнена, а уж тогда мы покажем им, что такое настоящая дипломатия! **(Громкий смех.)**

Итак, фрау Флиттер, предположим, что вы выступаете с речью на открытии восстановленной начальной школы в Англии, которую в своё время разбомбили наши храбрые лётчики. Какую же речь подсказывают вам мои уроки?

ФРАУ ФЛИТТЕР. Дорогие английские дети, я глубоко сожалею о том, что ваша школа была разбита во время войны, но вы должны помнить, что ваша смертоносная английская авиация...

БАРОН. Нет, нет, фрау Флиттер! Дипломатия – это искусство не говорить о том, что вы думаете. Вы должны сказать: «Я счастлива презентовать вашей школе это полено, и мы готовы произвести калькуляцию стоимости всей школьной отопительной системы на очень выгодных условиях».

Ну, а теперь вы, герр Нусс, вообразите, что беседуете на званом обеде с английским маршалом авиации. Каким образом вы предполагаете поддерживать лёгкий, непринуждённый разговор?

ГЕРР НУСС. Мой дорогой маршал, я всегда восхищался вашей авиацией. Я думаю, вы согласитесь с тем, что в будущей войне нам следует объединиться, по крайней мере, на первых порах, для того, чтобы уничтожить угрозу с Востока. А затем придёт и ваш черёд...

БАРОН. Нет, нет, герр Нусс! Это нетактично. Лучше скажите: «И вы и мы являемся ветвями великой англо-саксонской расы. Мы не сердимся на вас за то, что вы нас дважды поколотили. Мы такие же спортсмены, как и вы. Авось, повезёт нам в третий раз, как говорит ваша английская пословица». Затем, ткнув маршала легонько в ребро, вы преподносите ему бутылку шампанского и колбасу, изготовленную в форме цеппелина. Вот как надо завоёвывать симпатии английской аристократии, которая, между нами говоря, представлена сплошь одними пьяницами и обжорами.

Вообще всегда бывает полезно повторять англичанам: с вашими деньгами и нашими мозгами мы бы могли завоевать весь мир и поделить его между собой.

Итак, вы видите, джентльмены, что подобным путём вы можете установить с англичанами тесные, основанные на доверии отношения, которые так необходимы для людей нашей профессии.

Завтра мы приступим к теме «Тактичная послеобеденная речь на собрании бывших английских военнослужащих». А теперь запишите ваше домашнее задание: «Затруднительное положение № 8: как вести лёгкую, непринуждённую беседу с англичанином, бывшим заключённым концентрационного лагеря, комендантом которого были вы».

Из английской газеты «Дейли уоркер».

Перевёл Н. КУЗЬМИН.

«ЖМЁТ МАСЛО»

ПРЯТКИ

БОННСКАЯ ПАЛОЧКА ВЫРУЧАЛОЧКА

КОШКА-МЫШКИ

АПЛОДИСМЕНТЫ – СИЛЬНЕЙШИМ!

Перелистывая страницы скандинавских газет, я всегда отдавал должное объективной информации об успехах советских конькобежцев. Интерес к советским скороходам в Скандинавии имеет многолетнюю давность. Ещё Седов, Струнников, Василий Ипполитов, Яков Мельников и другие русские конькобежцы вызывали к себе совершенно справедливое, как говорят, спортивное отношение зрителей на катках Норвегии, Швецин, Финляндии.

У нас в Советском Союзе зрители очень спортивны. Они одинаково горячо приветствуют мастерство, независимо от принадлежности спортсмена к той или иной стране.

И вот, перелистывая газеты этого года и читая отклики скандинавской печати на выступления советских конькобежцев в Алма-Ате, я был несколько удивлён.

С одной стороны, подавляющее большинство газет высоко оценило рекорды Бориса Шилкова, Дмитрия Сакуненко и их товарищей. Сами европейские конькобежцы высказываются вполне доброжелательно.

Например, 11 января голландская газета «Хет фрейе фольк» помещает интервью бызшего чемпиона Европы и бывшего мирового рекордсмена Брокмана, который называет рекорд Шилкова в беге на 5 тысяч метров фантастическим. Брокман говорит: «Я уже два года назад пришёл к выводу, что эту дистанцию можно пройти менее чем за 8 минут. Но я признаю, что время, показанное Шилковым, меня поразило».

Известный тренер Харальдсен в беседе с сотрудником норвежской газеты «Верденс ганг» (номер от 12 января) заявляет: «Алма-атинские результаты разрушили все представления о конькобежном спорте. Все понятия перевёрнуты вверх дном».

И только один спортивный обозреватель норвежской газеты «Моргенбладет», скрывающийся под загадочным псевдонимом НИФФ, выступает со злопыхательской статьёй, в которой ставит под сомнение правильность результатов, достигнутых в Алма-Ате. Давнишний недоброжелатель советского спорта, господнн НИФФ называет эти результаты «пропагандой» и пишет, что правильные показатели силы русскнх можно будет получить якобы только на соревнованиях на первенство мира в Москве.

Многие норвежские газеты ответили господину НИФФу напоминанием, что он писал нечто подобное и года два тому назад, когда были получены первые сенсационные результаты из Алма-Аты. Однако он замолчал, когда получил «правильные показатели силы русских» в розыгрыше первенства мира прошлого года в Саппоро (Япония) и первенства Европы в Давосе. А 28 декабря 1953 года, после матча конькобежцев СССР и Норвегии, который происходил в Москве, господин НИФФ в своей же газете уже вынужден был признать очевидные факты. Тогда этот маскирующийся господин, прикинув собственным секундомером скорость конькобежцев, всё же убедился в том, что и советские секундомеры имеют 60 секунд в минуту. Промерив собственной рулеткой беговую дорожку, он убедился также и в том, что в советском метре ровно 100 сантиметров.

Мне пришлось не один раз встречаться с вице-президентом Международного союза конькобежцев и председателем Шведского конькобежного союза господином Свеном Лофтманом. У него хороший секундомер, точный, и он на первых соревнованиях в Москве включал и выключал его вместе с судьями. Это было в первый день матча. На второй день господин Лофтман предпочёл оставить свой секундомер в отеле, так как он убедился в исключительной точности советских секундомеров. Господин Лофтман остался и сейчас верным своим принципам человеком. 15 января в беседе с корреспондентом шведской газеты «Ню даг» он заявил: «Нет сомнения в том, что показатели времени мировых рекордов, установленных в Алма-Ате, являются правильными. Едва ли есть другая страна, которая организует свои спортивные соревнования в большем соответствии с международными правилами, чем Советский Союз». На вопрос корреспондента: «Можно ли положиться на эти результаты?» — Лофтман ответил: «Абсолютно».

Но следует ли из этого, что советским конькобежцам не предстоит трудных боёв впередн? Призёр европейского чемпионата прошлого года, швед Эрикссон публикует в норвежской газете «Дагбладет» заявление, в котором говорится: «Я никогда не боялся русских. Они не сверхлюди и не феномены. Они лишь в хорошей спортивной форме». Как известно, на недавних соревнованиях в Фалуне Эрикссон подтвердил свои слова делом: он стал чемпионом Европы. Мы тоже знаем, что он не сверхчеловек и не феномен; он был лишь в хорошей спортивной форме.

В отличие от г-на НИФФа мы рады такому бодрому настроению наших друзей-противников на ледяной дорожке. Это очень приятно. Значит, соревнования в Москве будут острыми, а в борьбе рождаются новые рекорды.

Если таинственный господин НИФФ будет присутствовать на соревнованиях в Москве, то мы рекомендуем ему перед отъездом перечитать его собственные высказывания о советских скороходах, а также взять с собой свой секундомер. Нам будет лишний раз приятно, что его секундомер (если, разумеется, он будет точный) не разойдётся с советскими. Может быть, тогда ему станет немножко стыдно, что под нажимом «кого-то» он позволил себе усомниться в честности советских спортсменов и судей.

Я питаю надежду стоять рядом с господином НИФФом и после первых же забегов осведомиться у него о работе наших секундомеров.

Впрочем, что бы ни сказал г-н НИФФ, ясно: соревнования на первенство мира всегда захватывающе интересны, и советские любители спорта всегда аплодируют сильнейшим.

Вадим СИНЯВСКИЙ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ПО НАСЛЕДСТВУ

— Как, однако, вырос Джим: он уже носит всё отцовское...

ПЛОХАЯ ГАЗЕТА

(Где-то в Юго-Восточной Азии)

— Послушай-ка, Сеид, ты не считаешь, что коммунизм опасен?

— Ой, Ахмад, моя жизнь всегда была так далека от политики! Я очень мало знаю о коммунизме. Я не знаю, для кого коммунизм опасен.

— Ну, например, для нас с тобой, для всех таких, как мы? Можешь ты сказать, чем нам грозит коммунизм?

— Ты же знаешь, Ахмад, я не мастер красиво говорить. Я только вот что тебе скажу: когда я об этом думаю, я представляю себе, что риса будет больше, а болезней меньше; что мой сын пойдёт в школу, а дочь уже не будет чахнуть на прядильной фабрике по тринадцать часов в сутки.

— Да, Сеид, ты действительно не умеешь выражать свои мысли в общей форме. Послушай лучше, как об этом же рассуждает американская газета «Пост диспетч». «Во-первых, — пишет она, — коммунизм даёт ответ на многие нужды одного миллиарда людей слаборазвитых стран и обещает удовлетворить их жизненные потребности».

— А во-вторых?

— «Во-вторых, коммунизм предоставляет единственный видимый выход из продолжающихся в этих странах болезней, нищеты и невежества».

— Да! Если бы я умел так хорошо говорить, я бы так и сказал. Это хорошая газета, Ахмад!

— Подожди, слушай дальше. «Именно поэтому, — продолжает газета, — коммунизм является постоянной опасностью для слаборазвитых стран».

— Какая опасность?! Ты что-то путаешь, друг! В хорошей газете не может быть таких плохих мыслей. Что же, значит, наши братья в Китае находятся в опасности?

— Если верить газете, да.

— Ай-ай! Хотел бы я быть на их месте, Ахмад!

— Я думаю вот что, Сеид: когда многие люди в Азии начинают жить лучше, некоторые люди в Америке начинают чувствовать себя хуже.

— Ты умный человек, Ахмад, но разве этим людям в Америке грозит какая-нибудь опасность?

— Да разве лишь та, что если мы будем жить лучше, их прибыли будут меньше. Я так думаю.

— Если это и называется коммунистической опасностью, Ахмад, то я не вижу, чего нам опасаться.

— Я тоже.

— Значит, эта газета лжёт. Значит, это плохая газета, Ахмад!

— Я думаю, что ты прав, Сеид.

— Тогда разорви её!

В. АЛЕКСАНДРОВ

ВОРОНЕЖСКИЕ СИЛУЭТЫ

— Как вы поживаете?

К великому нашему изумлению, этот довольно заурядный вопрос вызвал целую бурю среди жильцов дома № 19 по Плехановской улице:

— И они ещё осмеливаются спрашивать, как мы поживаем! Да разве можно прилично поживать в доме, который строил ваш трест?!

По этой реплике, а также по ледяному приёму (нам не предложили даже раздеться!) мы поняли, что жильцы приняли нас за строителей.

Впрочем, мы не были в обиде на ледяную атмосферу, которая окружала нас и в буквальном и в переносном смысле. Действительно, нельзя требовать от жильцов дома с арктической температурой в комнатах, чтобы они встречали строителей букетами роз и восторженными овациями.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПЯТНО

Пятна мы встречали в каждой квартире. Чаще всего они бывали серовато-зелёными на потолках и грязнолиловыми на стенах.

Но это пятно поражало не только своим невиданным доселе черно-бурым колером, но и размерами.

— Крыша протекает? — авторитетно спросили мы хозяйку, показывая на мрачное пятно.

— Ванная колонка, — вздохнула хозяйка. — Почти в каждой квартире нашего дома на этом самом месте такое украшение.

— А вы не пробовали замазать его? Так сказать, ликвидировать?..

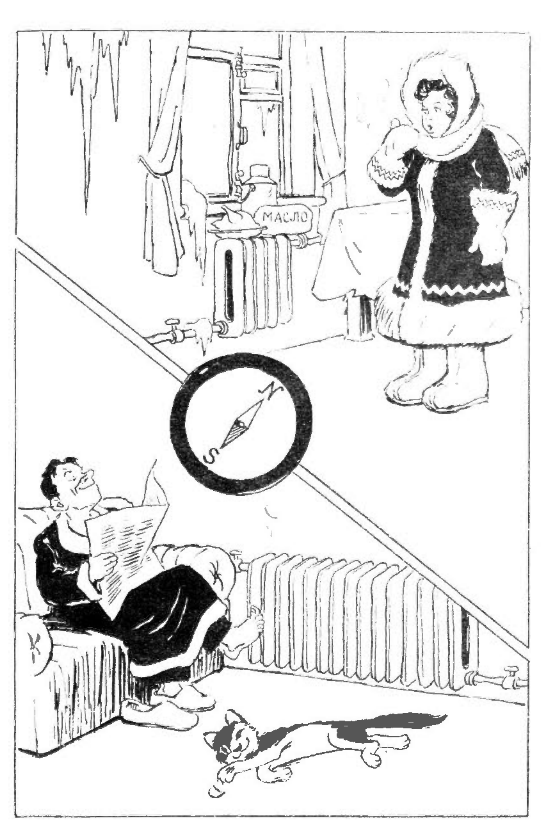
— Тут ничто не поможет. Чтобы избавиться от него, нужно сломать стены и переоборудовать всю санитарно-техническую систему дома... Как видите, пропащее дело! Наше пятно, как родимое, — на всю жизнь.

Желая получить научное объяснение природы этих пятен и столь низкой температуры в квартирах, мы решили обратиться к специалистам. Нам не пришлось далеко идти: старший прораб по сантехнике шестого строительного управления треста «Воронежстрой» А. И. Кочуковский жил в этом же доме (именно трест «Воронежстрой» сооружал этот дом).

— Ага! — обрадовались мы. — Значит, строитель сам себя наказал!

Но как только открылась дверь квартиры Кочуковского, нас обдало приятным теплом. Оно исходило от двойных батарей и улучшенной плиты, установленной на кухне. Пятен на стене не было.

Мы извинились за беспокойство и удалились. Преимущества гражданина, превосходно знающего сантехнику, были налицо.

ДРУЖНЫЕ СОСЕДИ

Как только Мария Ивановна и Мария Илларионовна узнали о получении ордеров на новые квартиры, они первым долгом осведомились:

— А какой трест строил наши дома? Двадцать пятый? Ну, тогда всё понятно.

И семьи принялись за деятельную подготовку: приобрели рубанки, малярные кисти, кровельный материал, известь, мел, олифу, белила, дверные ручки, замки... Как видим, стиль работы стройтреста № 25 широко известен в Воронеже.

Дружный стук молотков возвестил, что новосёлы успешно ликвидируют все недоделки стройтреста. Окна стали свободно открываться и закрываться, свежий воздух, ранее проникавший исключительно сквозь пол, начал поневоле поступать через поставленную на петли форточку. Из переложенной печи дым пошёл, наконец, по узаконенному пути.

Вскоре квартиры приобрели жилой вид; Мария Илларионовна, обосновавшаяся на первом этаже, купила для новоселья радиоприёмник с проигрывателем. То же самое намеревалась сделать и Мария Ивановна, поселившаяся над нею, на втором этаже. Но едва раздались первые звуки «Рекорда», как Марии Ивановне стало ясно, что покупать ей приёмник не имело никакого смысла: снизу всё было прекрасно слышно.

Мария Ивановна и Мария Илларионовна ни на минуту не прерывают общения друг с другом, постоянно разговаривают, находясь каждая в своей кухне. Если одна готовит яичницу, то другая знает по звуку, из скольких яиц.

В этом доме живут тихо и мирно. Здесь исчезли семейные секреты. Супруги воздерживаются от семейных ссор и досадных слов. Очень удобно жить в таком доме, возведённом строителями треста № 25!

ДЛЯ СИЛУЭТА...

Хорош город Воронеж! Широки, раздольны его проспекты. Восстановленные и вновь построенные дома, клубы и кинотеатры, могучие тополя и каштаны украшают его улицы и площади.

Не было в Воронеже только высотных зданий.

«А как же без них?» — задумались архитекторы.

— А зачем они? — спросили строители.

— Для силуэта, — лаконично ответили архитекторы.

Ну, раз нужен силуэт, ничего не поделаешь, надо строить! И решили: к жилому дому завода имени Калинина, почти уже готовому, приляпать уродливое плечо, а к плечу — четырнадцатиэтажную башню.

Сейчас строители треста «Воронежстанкострой» трудятся на четырнадцатом этаже. Наконец и в Воронеже будут силуэты! Правда, идёт спор, чем завершить башню. Одни говорят — тридцатиметровым шпилем со звездой. Лучшего, говорят, не придумаешь. Другие более благоразумны: они предлагают ограничиться памятником архитектору. Пусть уж красуется ещё один силуэт!

СЕКРЕТЫ СТРОИТЕЛЕЙ

Во дворе дома, строящегося на углу Кольцовской и Плехановской улиц, поздней ночью сторож пил чай со своим приятелем.

— Что за дом строите? — спросил приятель, прихлёбывая чай из кружки.

— Квартирный. Для Сельмаша.

— Кто строит-то?

— Известно. Двадцать пятый трест.

Тут что-то треснуло. Затем послышался грохот, напоминающий горный обвал. Будка, в которой сидели приятели, затряслась.

— Никак землетрясение?

— Не должно быть, — ответил сторож, прислушиваясь. — Скорее, какая-то секция рухнула.

Приятели вышли из будки и убедились: в одной из готовых секций рухнули перекрытия всех пяти этажей, сверху донизу.

— Ну вот, видишь, как я и говорил. Потому как если стена рухает, у неё звук другой. Вот когда у наших соседей — строителей — стена пединститута рушилась, то она бухала, а не гремела. Или, скажем, обвал в Доме художников, а то на дрожжевом заводе или на керамическом... Да мало ли их, обвалов, бывало!

— Отчего же они рушатся?

— Кто ж его знает... До этого наука ещё не дошла. Строители говорят, что кирпич слабый, а кирпичники — что строители некультурно строят.

— А были случаи, что придавило кого?

— Нет, у нас этого не бывает. Ежели что рухает, так до заселения. Предусмотрительно рухает. Строители наши, должно быть, наговорное слово знают.

* * *

Хорош город Воронеж! В нём много красивых, новых домов. Но нет-нет, да и выглянет где-нибудь знакомое нам «обязательное» пятно: либо на стене, либо в виде «рухающих» стен, либо в виде никому не нужного и, к сожалению, очень дорогого высотного «силуэта».

Г. ВОРОБЬЕВ,
М. ЭДЕЛЬ
Рисунки А. БАЖЕНОВА.

г. Воронеж.

До шуток

Говорят, что человеку не до шуток, если он попадает в трудное и опасное положение. Но это не для всех и не всегда обязательно.

Казалось бы, что может быть более опасным, чем находиться на такой точке земного шара, где...

...вместо почвы под ногами лёд толщиной в три метра...

...под трёхметровым льдом океан глубиной в пять тысяч метров...

...до ближайшего клочка земли не дойти, не доехать...

...а солнце восходит только один раз в году — в марте — и заходит в сентябре, после чего на шесть месяцев наступает непроглядная ночь.

В такой обстановке, пожалуй, действительно не до шуток!

Но для советских людей нет таких положений, самых опасных и трудных, когда бы они забывали о весёлой шутке.

И вот едва самолёты и вертолёты приземлились, или, точнее, «приледнились», на бескрайнем ледяном поле Северного полюса, как бывшую мёртвую тишину нарушил весёлый смех. Его первые раскаты были зарегистрированы в районе будущей аэро-метеоплощадки. Руководитель этой группы станции «Северный полюс-3» Матвейчук и метеоролог Малков, почувствовав под ногами прочный лёд, принялись распаковывать свои грузы. В одном из ящиков, отправленных с острова Диксон, они вместо ожидаемой метеобудки обнаружили поломанную треногу.

— Ну, что ж, и на Северном полюсе, оказывается, должны быть материалы для Крокодила! — порешили полярники и здесь же коллективно сочинили эпиграмму:

Послал Архангельск спецзаказ.
— Поэт, молчи! Не хватит слога,
Чтоб описать. На этот раз
Пришла не будка, а тренога.
Под молоточный перестук
Вздыхает горько Матвейчук.
Малков за ним — глядеть умора —
Шлёт вздохи: «Диксон, торгконтора!..»

Лиха беда — начало. Полярникам понравилось сочинять. Придумывать смешное приятно. Рисовать смешное забавно. Когда были окончены первые хлопоты по устройству на льдине, «полюсники» призвали на помощь художественный талант, фотоаппарат, карандаши, краски и завели в своей стенгазете весёлый отдел под названием «Сосулька».

Мы понимаем, что в условиях дрейфующих льдин нелегко соблюдать законы художественного мастерства. Поэтому наши художники в хорошо отапливаемых кабинетах редакции слегка подправили рисунки самодеятельных заполярных карикатуристов. Мы печатаем их вместе с эпиграммами и стихами, которые исправлять почти не пришлось.

ПЕРВЫЙ ПОДЛЁДНИК

Название юмористического отдела — «Сосулька» — говорило о том, что он появился на полюсе вместе с весной. И для первого номера газеты доктор станции «СП-3» Виталий Волович, сменив стетоскоп эскулапа на стило поэта, сочинил стихотворение «Весна». В нём были такие строки:

Пускай весна, что к нам пришла сюда,
Покажется иному скромной тенью
Земной весны. Пусть тающего льда
Не сменит яблонь пышное цветенье...

Но тем дороже нам её приход
Без соловьёв и без небесной сини,
Что мы её встречаем в этот год
У Северного полюса на льдине.

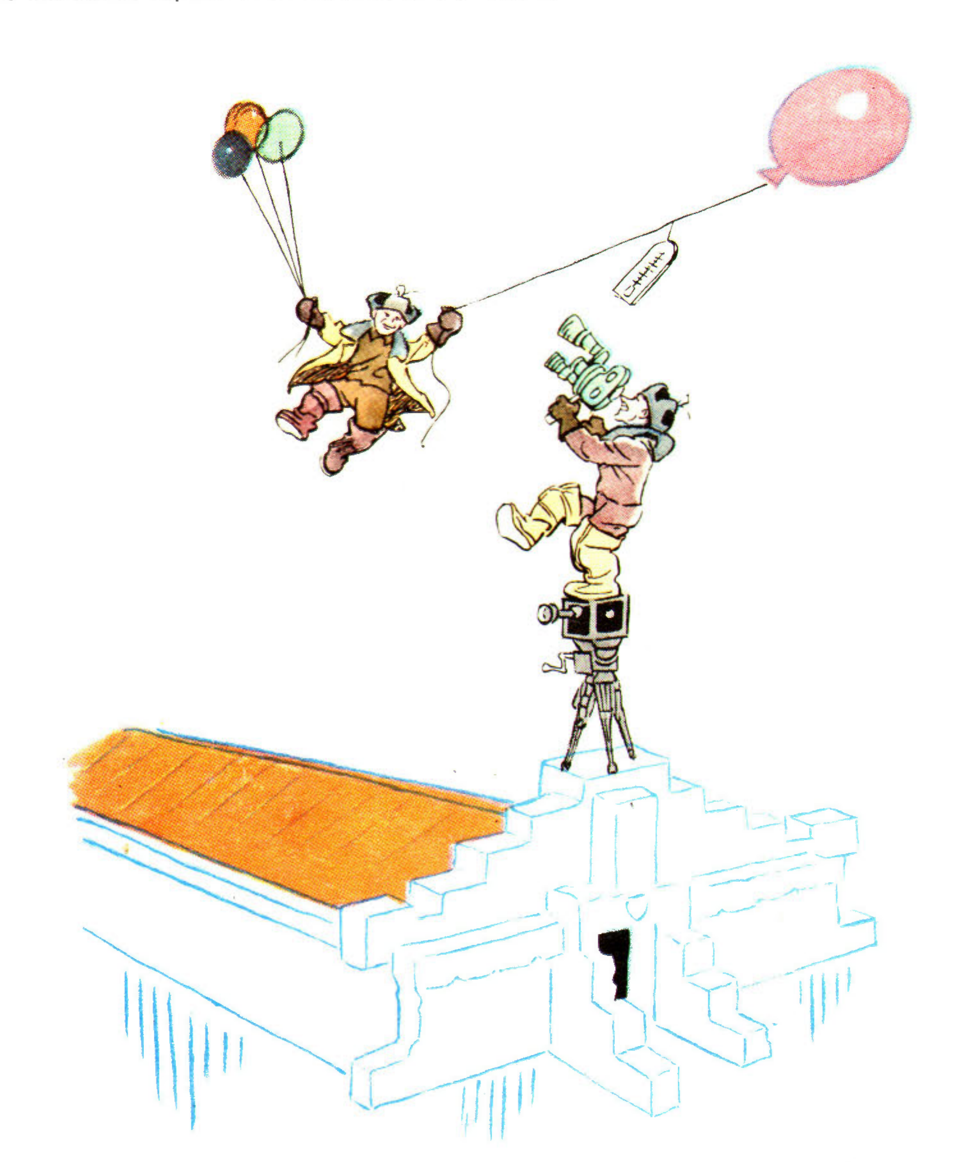
Никто не в обиде

Что ни говорите, а круг местных тем на полюсе ограничен. Авторы стали писать эпиграммы и рисовать шаржи друг на друга.

Никто не остался в обиде, поводов для шуток оказалось сколько угодно.

Аэролог Шариков проявил недюжинные кулинарные способности. Доктор Волович показал себя и поэтом, и художником, и рачительным кладовщиком. Учёный полярник Михаил Михайлович Сомов объявил борьбу с торошением льда. Кинооператор Евгений Яцун со своим объективом настолько объективно фиксировал мельчайшие подробности жизни на краю земного шара, что запасы киноплёнки у него растаяли ещё до того, как стала таять льдина... А экипаж вертолёта проявил пылкую любовь к спорту.

Всё это нашло отражение в эпиграммах и рисунках:

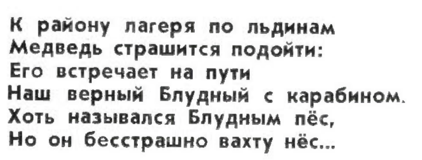

Полярный день во всей красе.
Везде удачные моменты.
Яцун, как белка в колесе,

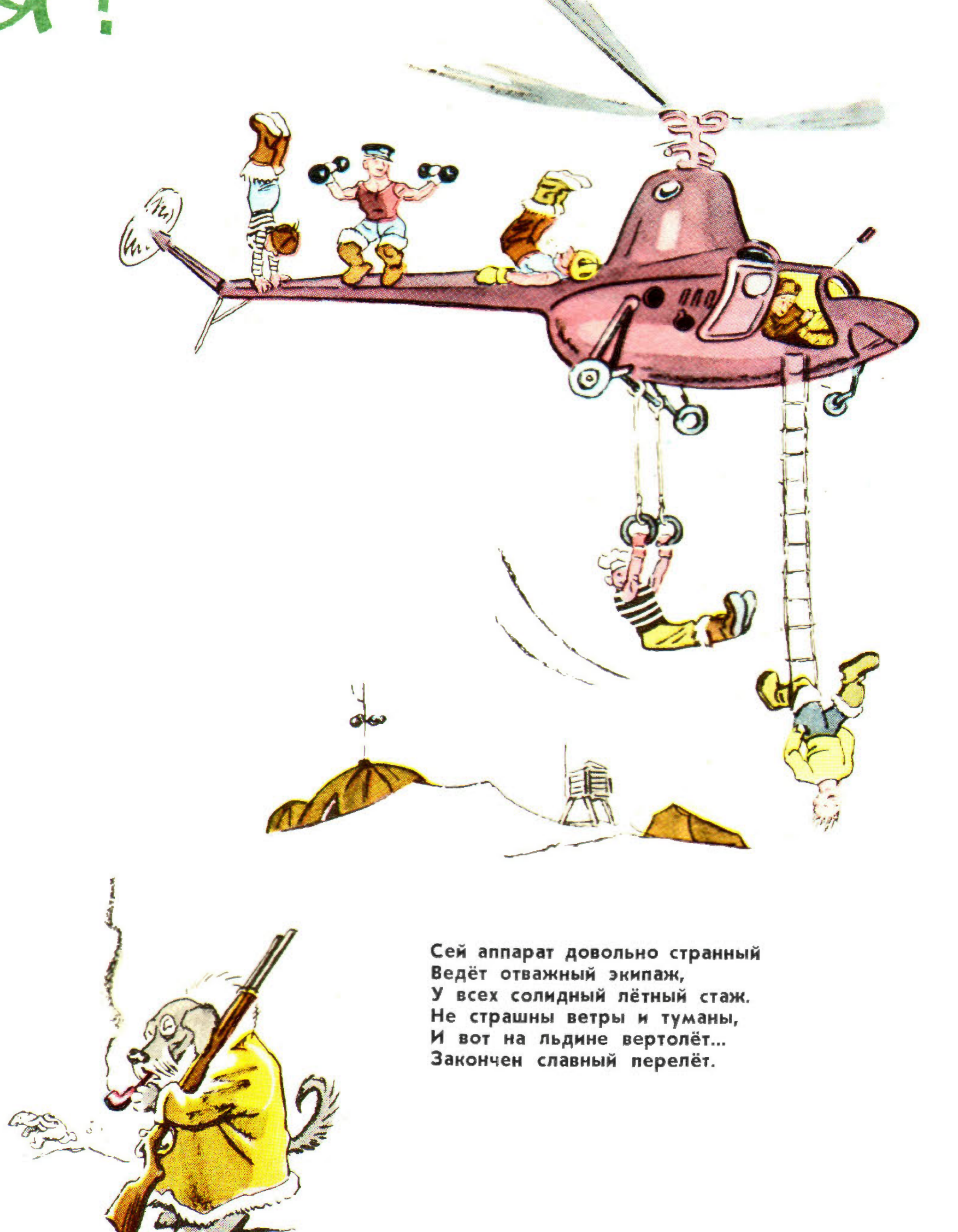
Хватило б только киноленты.
Вниманье, Женя, берегись!
Снимай, наш друг, но не сорвись...

Михал Михалыч — старый друг.
Ему не страшно торошенье.
Как доктор северных наук,
Он льдине отыскал леченье.
И вот на ткань полярных льдов
Уже наложен первый шов.

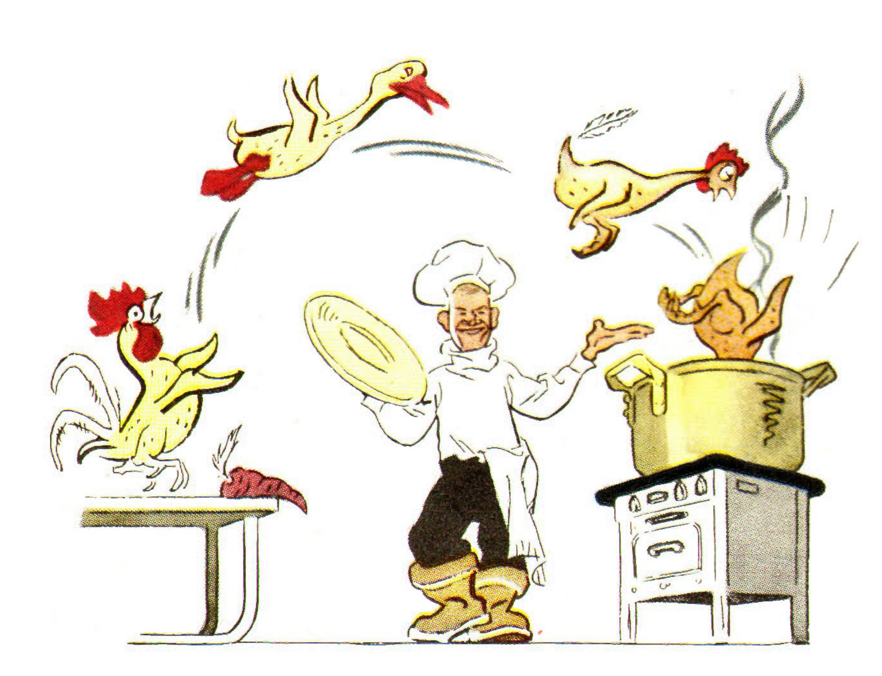

К району лагеря по льдинам
Медведь страшится подойти:
Его встречает на пути
Наш верный Блудный с карабином.
Хоть назывался Блудным пёс,
Но он бесстрашно вахту нёс...

Сей аппарат довольно странный
Ведёт отважный экипаж,
У всех солидный лётный стаж.
Не страшны ветры и туманы,
И вот на льдине вертолёт...
Закончен славный перелёт.

Удобства на льдине, право, нет,
Но у него немало данных:
Готовит Шариков обед

Получше самых ресторанных.
Он занимает важный пост
И гонит прочь великий пост...

Виталий, доктор наш, затих.
Болезнь ясна, диагноз точен.
Он за отсутствием больных
Приёмом грузов озабочен...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— А вы тоже толкач?
— Нет, я по делу!

Многие организации до сих пор посылают на предприятия, поставляющие материалы, так называемых «толкачей».

Остап ВИШНЯ

КУКУРУЗА И САЛО

Встретились мы как-то летом с нашим знакомым, опытным и осведомлённым колхозником. Идёт он весёлый, бодрый, идёт и напевает. Увидел нас, спрашивает:

— Вы уже завтракали?

— Нет, — говорим, — только ещё собираемся.

— Хотите, салом угощу? Вы какое сало предпочитаете: молодое или старое?

— Молодое!

— Жареное или так?

— Жареное.

— На сковородке или на заострённой палочке?

— На палочке.

— Люблю и я жареное сало. Держишь его на огне, а оно, этакая бестия, шипит, а потом на булку только кап, кап, кап!

— Вот и мы предпочитаем такое сало, чтоб оно на булку кап, кап!

— Так поедемте со мною. Тут, неподалёку, я вам покажу, где тьма-тьмущая того знаменитого украинского сала.

Поехали. Приехали мы в поле, стали на пригорок. Опытный колхозник и рассказывает:

— Вот это, направо, сорок гектаров одного колхоза, а вот это, налево, сорок гектаров другого колхоза. Оба колхоза хотят иметь сало. Вот поглядите и скажите, какой из этих двух колхозов будет иметь сало, а какой из них будет только шлёпать губами, наблюдая, как первый ест сало.

Взглянули мы на колхозные поля — и на то и на другое — и увидели: на первом поле, правом, зелёный лес, буквально-таки настоящий лес пышной кукурузы, а на втором поле, левом, кое-где едва выделяются редкие сухощавые, немощные стебли.

— А сеяли, — рассуждал наш знакомый, — оба колхоза в одно время. И земля у них, как видите, одинаковая. И люди в обоих колхозах одинаковые. И сеяли они оба квадратно-гнездовым способом. А видите, какая разница?

— Так в чём же дело? — удивлялись мы.

Опытный наш собеседник грустно покачал головою:

— А я вам сейчас поясню. На первом поле, где вы видите кукурузный пышнозелёный лес, была зябь, а на втором — весенняя вспашка. Поглядите, какими правильными квадратами размаркировано, расчерчено всё первое поле, и вдоль и поперёк. Под шнур! А присмотритесь, как это сделано на другом поле: так, словно ходил по нему вдоль и поперёк светлорыжий вол. На первом поле была обеспечена механическая обработка, а на втором — нет. На втором культиватору пришлось ужом извиваться между рядами. Ну и замешкались с обработкою!

— Да! — подтвердили мы.

— На первом поле в каждом гнезде после прополки оставлено, как видите, по два растения, а на втором — сколько семян бросили в гнездо, столько растений и поднялось. Сначала они сами себя глушили, а потом их забил бурьян. Первый колхоз сеял гибридными семенами, да к тому же ещё прогретыми перед севом, а второй — просто так себе... Вы знаете, что такое межсортовая гибридизация?

— Знаю! А почему же второй колхоз не мог обеспечить себя гибридными семенами?

— Потому что руководству второго колхоза нравится «гибридизация» иного типа, не межсортовая, а, так сказать, межвидовая: вечером их интересует гибрид рюмки с холодцом, а на следующее утро — гибрид подушки с собственной лысиной.

— Да! — подтвердили мы.

— Вот эти немудрёные, простые мероприятия, доступные всем и каждому, сами по себе повышают урожай на 15—20 центнеров с гектара. А вы поглядите вот на это второе, запущенное поле! Вряд ли наберётся там с полсотни центнеров всей кукурузы.

— Всё это правильно, дорогой товарищ, а где же сало? — спросили мы мудрого колхозника. — Вы про сало говорили...

— А вот это ж и сало! Кукуруза и есть сало. Кормите свиней кукурузою. Пятьсот пудов кукурузы — сто двадцать пять пудов сала. Четыре пуда кукурузы — пуд сала.

...Этой весной мы снова встретились с нашим знакомым.

— Теперь уж мы вас угостим, — предложили мы ему.

— А куда нужно ехать? На Полтавщину? Благодарю. Я уже завтракал.

Мудрый колхозник сердито махнул рукою.

— Ну скажите: разве это допустимо, что на Полтавщине до сих пор ещё не все колхозы обеспечены маркерами для сева кукурузы? Разве это такая сложная машина? Трактор это «С-80» или цельнометаллическая молотилка? А в некоторых областях кукурузосажалки валяются на базах; колхозы почему-то их оттуда не забирают... Наилучшая кукурузосажалка, если она лежит на базе или на железной дороге, урожай не повысит, хотя бы вы правильно размаркировали, разметили поле! Кукурузосажалка должна быть на поле, и не лежать, а работать.

Наш знакомый вздохнул.

— Боюсь, затмится слава знаменитого полтавского сала. Забьют его Марк Озерный днепропетровским или Мария Габовда закарпатским салом.

Неужели и в самом деле полтавчане подкачают?

Интересно, что скажет мой знакомый осенью?

Перевод с украинского.

Мы с подружкою видали...

Слова Л. ОШАНИНА. (Сатирическая песенка) Музыка А. ОСТРОВСКОГО.

Мы с подружкою видали:
Ходит парень молодой,
Как Наташа или Галя,
Перманентом завитой.
Смотрит он на нас героем,
Золотой оскалив зуб.
Надо лбом его пристроен,
Как на проволоке, чуб.

Припев:

Ты его, подружка, не ругай:
Может, он залётный попугай...
Может, когда маленьким он был,
Кто-то его на пол уронил.
Может, болен он, бедняга,
Или просто-напросто
стиляга!

У него пиджак зелёный,
Галстук — яблоневый цвет,
Голубые панталоны,
Жёлтый в крапинку жилет.
Всё ему на свете ясно,
А всего важней костюм...
И на лбу его прекрасном
Нет следа высоких дум.

Припев.

В полном разуме и силе,
Всё изведав в двадцать лет,
Он таким танцует «стилем»,
Что в опасности паркет.
Он живёт, как тень чужая,
От людей особняком.
У него душа пустая
Под зелёным пиджаком!

Припев:

Ты таких, подружка, примечай.
Это не залётный попугай...
И никто его не обижал,
На пол его в детстве не ронял,
И не болен он, бедняга,
Это просто-напросто
стиляга!

Крокодил помог

(По неопубликованным письмам)

◇ В колхозе имени Ленина (Казахская ССР) не были заготовлены корма, брошенная в поле солома сожжена, сено и картофель в результате небрежного хранения испортились.

Об этом колхозники сообщили Крокодилу.

Предгорненский райком КП Казахстана, проверявший эти факты, сообщил редакции, что бригадир тракторной бригады Абенов за сожжение соломы исключён из членов ВЛКСМ. За порчу картофеля и неубранное сено на председателя колхоза Шахова и секретаря парторганизации Соловьёва наложены строгие партийные взыскания.

◇ В Ново-Заимском зерносовхозе (Тюменская область) не проводилось никакой культурной работы, клубы бездействовали.

Рабочие совхоза написали об этом Крокодилу.

В настоящее время клубы утеплены, организована художественная самодеятельность, скомплектованы передвижные библиотеки, выписаны газеты и журналы.

В клубах регулярно читаются лекции, доклады. Кинопередвижка отремонтирована, демонстрируются кинокартины.

◇ В зерносовхозе «Ярославский» (Акмолинская область) задерживалась достройка жилых домов. В связи с этим рабочие не могли получить квартир. Столовая работала плохо. Председатель рабкоопа Пархоменко продавал товары на сторону.

Рабочие совхоза пожаловались Крокодилу.

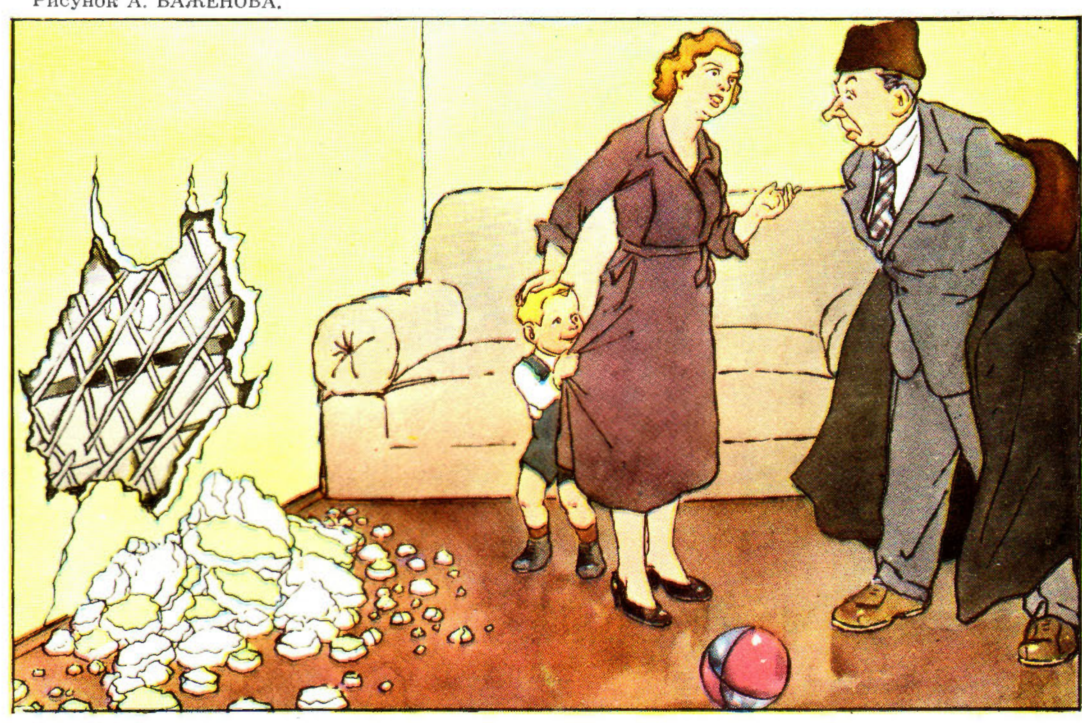
Есильский райком КП Казахстана проверил жалобу на месте и принял меры к устранению недостатков.

В настоящее время дома достроены. Топливом рабочие обеспечены. Клуб и столовая работают нормально.

Председатель рабкоопа Пархоменко за допущенные злоупотребления с работы снят.

ВОВОЧКА НЕ ВИНОВАТ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Что случилось?
— Вовочка расшалился и нечаянно попал мячиком в стену!..

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00725. Изд. № 60. Подписано к печати 9/II 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 355. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Парижские соглашения предоставляют Соединённым Штатам право обеспечить возрождаемый вермахт атомным оружием.

ЗАОКЕАНСКОЕ БЛЮДО.